

Золото из-под ногтей

Когда привычный мировой порядок рушится, люди бросаются скупать золото. Нынешний кризис — не исключение. Цена на этот металл растет, превращая его из украшения в средство от разорения.

Между тем на планете Земля живут тысячи человек, для которых золото всегда было не роскошью, а хлебом. Это — черные старатели. Среди беднейших регионов мира, где люди готовы мыть золото вручную, заметное место занимает Киргизия. В южной части этой республики на 2,5 тысячи легальных работников золоторудных предприятий приходится раза в три больше «дикарей», которые моют металл дедовским способом и переправляют его в Россию. Это адский труд, но со времен Джека Лондона прогресс налицо: вместо деревянного лотка в руках у местных старателей теперь резиновый автомобильный коврик

В горы «за зубами»

Город Ош в киргизской части Ферганской долины — второй по величине в республике, ее южная столица. Мы едем по окраине. Наш проводник с ювелирным именем Алмазбек показывает симпатичный райончик из аккуратных современных двухэтажных коттеджей:

— Гастарбайтеры строят. Из России. В смысле — наши, которые у вас там работают. Тысяча долларов в месяц — хорошие деньги. На 200 живет, 800 домой посылает. Все лучше, чем золото мыть!

Так в Южной Киргизии формируется средний класс.

Элита — это те, кто занимается героином. Покупают его в соседнем Таджикистане и везут в Россию или Турцию. Об этом тут говорят открыто, как будто речь идет не о наркоте, а о мандаринах. Правда, каждый раз на всякий случай добавляют: «Я сам этим теперь не занимаюсь, временно отошел от дел». О том, что героин ежегодно убивает в российских городах десятки тысяч человек, упоминать не принято. Для местных это никакая не «белая смерть», а просто товар.

Золото моют в горах Тянь-Шаня. Ош — ближайший к приискам крупный город, поэтому именно в нем сформировался центр переработки драгметалла: легального — на официальных предприятиях, и нелегального — в многочисленных подпольных мастерских. Для Киргизии золото обычное — это как для России золото черное. На него приходится сорок процентов экспорта республики. Но, по словам местных жителей, ничуть не меньше утекает из страны мелкими ручейками, у истока которых стоят черные старатели. Стоят по колено в ледяной воде с ведром, лопатой и резиновым автомобильным ковриком.

Вообще-то артель или частное лицо имеют полное право заниматься золотодобычей легально. Но для этого нужно заключить договор с киргизским Госпробнадзором, взять в аренду тот участок земли, который дадут, и платить за него по установленной таксе. Разумеется, так почти никто не делает: половину дохода придется отдавать государству.

Черных старателей выручает закон, который позволяет частному лицу намывать в месяц несколько граммов золота без лицензии — для личного пользования. Например, чтобы зуб вставить. Один зуб — один грамм, и еще немного дантисту — за работу. В качестве зубопротезного материала золото действительно в этих краях очень распространено, но зубная боль приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Поэтому стоматологическая тема уже давно стала здесь универсальной отмазкой. Черный старатель идет в горы «за зубами», а на деле перекрывает разрешенную квоту в десятки раз. Чиновники, разумеется, все прекрасно понимают, но смотрят на нарушения сквозь пальцы. Отчасти из интереса общественного: запретишь — получишь социальный взрыв. Отчасти в угоду родственным связям, которыми все повязаны. Но главным образом ради собственного кармана.

Сдать свою добычу в официальную переработку черные старатели не могут: добытое нелегально золото юридически просто не существует. В результате золотодобыча и золотопереработка в Киргизии разрослись в

огромную теневую отрасль.

Как и власть от криминала, легальный бизнес от нелегального на юге Киргизии отделить нелегко, а еще труднее незаконную золотодобычу юридически и морально осудить — к преступной и полупреступной деятельности имеют отношение практически все. В общем, все как у нас в 90-е: «Не мы такие, жизнь такая».

Совсем беспроводной интернет

Чтобы увидеть своими глазами, как моют золото, мы отправляемся в горную часть соседней Джалал-Абадской области, в сторону границы с Узбекистаном и Казахстаном. Нас тут никто не ждет, мы ни с кем не договаривались, едем наугад. 500 километров по высокогорной грунтовой дороге, через перевалы высотой 3–4 километра — и мы в далеком Чаткальском районе, о котором даже жители Оша не знают почти ничего, кроме названия райцентра — Канышкыя.

В поселке встречаем группу мужчин. Все они в киргизских колпаках: этот головной убор так и называется — колпак, слово имеет тюркское происхождение. Только один грузный мужчина — в фетровой шляпе. Это заместитель акима, главы района. Он очень недоволен, что мы приехали.

— Таким, как вы, надо головы резать — за то что журналистов привозите, — говорит он нашим проводникам.

По субботам в Канышкыя рынок — главное событие в жизни села. Мужчины собираются, чтобы купить-продать корову, барана, осла, коня или верблюда. Они деловито ходят, заглядывают животным в зубы, торгуются, но чаще всего ничего покупать не собираются. Рынок — это лишь повод, чтобы пообщаться, обменяться новостями, узнать, кто женился, кто родился, кого похоронили, кому попался крупный слиток золота. Почти все прекрасно понимают по-русски.

— Это у нас такой интернет! — смеется наш провожатый. — Совсем беспроводной, да?

На рынке мы знакомимся с настоящим старателем — Абдукеримом. Это пожилой дядька, который добывает золото всю жизнь. О норме прибыли этого бизнеса красноречиво говорит его внешний вид: драный спортивный костюм, заношенная рубашка, еле живые ботинки. Еще у Абдукерима катаракта. Ее можно удалить за полчаса — операция несложная, но для этого надо далеко ехать, да и денег нет.

— Я вам покажу, как мы работаем. Только вот наговорюсь вдоволь — и поедем. Я рынка неделю ждал.

Наконец Абдукерим сыт общением. Он сажает нас в свою «ниву» — это самая уважаемая здесь машина, — и километров двадцать мы едем по горным дорогам. На берегу бурной и холодной речки Чандалаш у Абдукерима делянка. Конечно, нелегальная, но он считает ее своей, потому что добывает здесь золото, сколько себя помнит. Тут стоит юрта, в которой живет вся его семья. Родственники пасут баранов, а в свободное время (а оно почти всегда свободное: выгнал утром баранов из кошары на пастбище — и свободен) добывают металл.

Речка в этой местности образует рукав. Весной потоки селевой воды с гор приносят с собой золото. Летом вода уходит, и золотые песчинки остаются в ямках или под камнями.

Сначала Абдукерим внимательно осматривает территорию. Как и во всякой тяжелой профессии, у старателей есть свои легенды. Например, о том, как одному родственнику одного знакомого посчастливилось найти слиток в 22 грамма. А значит, и им когда-нибудь повезет.

При осмотре Абдукерим, как обычно, ничего не находит и начинает мыть.

На помощь он зовет внука, совсем маленького пацана лет восьми. Его зовут Тыштык. По-киргизски это слово означает «спокойствие» — качество, которое старателю необходимо. Абдукерим и Тыштык быстро наполняют старое ржавое

ведро песком с берега реки. Потом заходят в воду. Тыштык придерживает резиновый коврик, а Абдукерим очень медленно сыплет на него песок из ведра. Вода уносит песок, а на коврике оседают камешки и золотые песчинки — кыпын.

Наконец ведро опустело. Абдукерим подносит коврик к лицу, чтобы лучше видеть кыпын, цепляет ногтем золотые песчинки и складывает их в баночку. Их совсем немного — несколько миллиграммов, но часто бывает, что коврик совсем пустой.

Золотая жила

Очень скоро выясняется, что Абдукерим с Тыштыком в этой местности не одни. Они — рядовые огромной армии местных старателей, беззвучно делающих свою работу в каждом ущелье, почти за каждым склоном.

Мы едем по берегу Чандалаша и очень скоро натываемся еще на одну делянку.

Хозяина зовут Акыл, ему 26 лет. Он одет в фуфайку, выдавшую виды кепку и резиновые сапоги. У него совсем другая технология добычи. Акыла мы обнаружили в глубокой яме метрах в ста от берега Чандалаша. На самом дне ямы вырыта небольшая нора — это вход в узкий шурф, который тянется метров на тридцать под землей. Отверстие очень тесное и никак не закреплено.

Акыл моет один, его братья уехали работать строителями на российские севера. Он берет старое ведро и ченгир — монтировку. С этим нехитрым инструментом Акыл ныряет в нору. Я ползу следом.

В норе очень страшно, здесь и здоровому человеку недалеко до приступа клаустрофобии. Свод пещеры может осыпаться в любой момент, и не факт, что после этого удастся выбраться наружу. Акыл протискивается куда-то вглубь, устраивается поудобнее и начинает изо всех сил долбить монтировкой по каменной стене. Он уверен, что напал на золотую жилу. Наконец, отколотив достаточно, Акыл зачерпывает камни ведром и ползет к выходу. Ведро очень тяжелое — будем надеяться, что из-за золота.

Наконец Акыл дополз до выхода из норы. Опираясь на свой верный ченгир, он тяжело поднимается. Теперь еще надо вытащить ведро из глубокой ямы и донести по крутому берегу до реки. Там Акыл встает над потоком и медленно-медленно высыпает содержимое ведра на автомобильный коврик. Вода подхватывает песок, а камешки и золотые песчинки, если они есть, должны осесть... Но их нет. Промыв минут за десять все ведро, Акыл идет за новой порцией. И так всю жизнь.

Я тоже хочу попробовать. Акыл не против. Спускаюсь в тесную пещеру. Когда становится совсем темно — это я заслонил собой узкий вход, — включаю фонарик. Теперь надо долбить ченгиром по камню. Это тяжело, камень еле крошится. С каждым ударом страх, что порода рухнет, вытесняется желанием скорее закончить эту долбежку. Наконец я наковырял достаточно. Зачерпываю добычу ведром и ползу к выходу. Пока тащу, половина просыпается. Акыл смотрит на меня снисходительно: мол, будь ты моим работником, я бы тебя уже давно уволил.

Теперь надо карабкаться вверх, к реке. Ведро страшно тяжелое, я втайне рад, что половину просыпал. Наконец вот он, берег. Теперь придется вставать в холодную воду и медленно сыпать песок на коврик. Десять минут. Согнувшись в три погибели. Быстро сыпать нельзя — золотые песчинки просто не успеют осесть на резину. Медленно — невозможно: слишком тяжело держать ведро камней на весу.

Ведро кончается, чему я страшно рад. Результат уже неважен. Акыл берет коврик из воды и тщательно изучает.

— Алтын жок, — резюмирует он и высыпает камни с коврика в Чандалаш. Я зачем-то снова бреду с ведром в руках в уже знакомую яму. Это — азарт.

Наш второй проводник Курсантбек тем временем радостно бежит мне навстречу: он копался в песке и нашел какие-то блестящие песчинки.

— Кварц, — мотает головой Акыл. Золота он находит в день не больше одного-двух граммов.

По пушкинским местам

— Меня зовут Байысбек Райымбеков, но для вас я Варис Матвеевич Пушкин.

Так начинается наш разговор с самым уважаемым человеком села Янчи-Базар. У него пять дочек, пятеро сыновей и более тридцати внуков. Почему Байысбека можно называть Варисом Матвеевичем, мы так и не поняли, а Пушкиным его прозвали в селе за то, что он очень умный, и за бакенбарды, плавно переходящие в мусульманскую бородку.

Двое сыновей Райымбекова тоже работают где-то в России, а остальные моют золото.

Сын Джанибек — это имя переводится как «крепкий духом» — со своим приятелем и коллегой Джамалом берут нас на свой участок. Мы долго поднимаемся на «ниве» на крутую гору, а когда доезжаем до вершины,

еще час спускаемся пешком к какой-то безымянной речушке.

Здесь у Джанибека и Джамала стоянка: разбита юрта, пасутся бараны, лают собаки. Вокруг очень красиво, но Джанибеку и Джамалу не до красоты.

Первым делом парни осматривают корни деревьев вдоль берега — в них во время паводка мог застрять самородок. Ничего не находят, но подбадривают себя уже знакомыми нам рассказами про то, как кто-то где-то когда-то все-таки нашел свое старательское счастье.

— А как вы определяете место, где надо искать? — спрашиваю я.

— Видишь камень? — показывает мне Джанибек круглую черную гальку. Я беру ее в руки — камешек неожиданно тяжелый для своих размеров. — Это темирташ, железный камень, спутник золота. Где он бар, там и золото бар.

Еще один признак — желтая полоска песка вдоль береговой линии.

— Вот тут алтын, — уверенно говорит Джанибек.

Джанибек и Джамал начинают ловко работать. Один рыхлит породу настоящей палкой-копалкой из учебника по древней истории. Другой насыпает песок в ведро. Наполнив его, парни идут в реку: первый держит резиновый коврик, второй по уже известной нам технологии сыплет на него песок. Знали бы производители ковриков, как их можно использовать, — давно бы повысили на свою продукцию цены.

Все, что осталось на коврике, высыпают на убитую железную сковородку. Камни отсеивают, попадается пара песчинок. Их откладывают в бутылки из-под пенициллина и весь незамысловатый цикл проделывают заново. Иногда попадаются более крупные песчинки. К концу рабочего дня набирается грамм полтора.

На юге темнеет рано, уже ничего не видно, и старатели приглашают нас поужинать в юрту. Жена Джамала ставит на стол небогатое угощение: чай, густой айран, соленое масло и вкусный коричневый киргизский хлеб на молоке. Когда глядишь на эти спокойные лица, язык не поворачивается сказать, что перед тобой сидят люди, одержимые золотой лихорадкой.

Алтын бозор

Скупщики золота — это люди из криминальных кругов, из милицейских или бывшие старатели. На этом рынке действует жесточайшая монополия. Если на него попытается влезть посторонний, ему в лучшем случае подкинут героин и посадят, а в худшем — застрелят где-нибудь в отдаленном ущелье. Да никто золото постороннему и не продаст: для старателей такая коммерческая самостоятельность тоже чревата серьезными проблемами. Каждый золотодобытчик «закреплен» за определенным скупщиком, как крепостной за баринном.

Раз в неделю скупщики объезжают «своих» старателей, или те сами на выходных приезжают сдавать золото в ближайшее село. За грамм золотого песка получают 700 сомов — 500 рублей. Это в полтора-два раза дешевле, чем в городе, но старатели все равно продают: не те объемы, чтобы ехать в Ош или Джалал-Абад самому, да и ссориться с уважаемыми людьми себе дороже.

Собрав достаточную партию товара, скупщики везут его в Ош или Джалал-Абад на переработку. Здесь находят друг друга торговцы золотым песком, ювелиры и экспортеры нелегального золота за рубеж.

Как любой яркий и пряный восточный базар, ошский рынок поделен на зоны. Отдельно — продукты. Отдельно — электроника. Отдельно — бэушная натовская форма и сапоги, купленные по дешевке на расквартированной в Киргизии военной базе.

Золотой рынок, алтын бозор, — огромное пространство, напоминающее перрон автовокзала. Он заполнен молчаливыми тетками в цветастых халатах и платках. Каждая продавщица — живая витрина. Все пальцы в перстнях, в ушах по несколько пар сережек, на запястьях браслеты, на шее сотни цепочек, да еще в руках коробки с разложенным товаром. У каждой — китайские электронные весы: все по-честному.

— Кыргызстан? — спрашиваю я, показывая, допустим, на симпатичное колечко.

— Россия, — неизменно отвечает продавщица. Или — Казахстан. Или — Якутия. Импортному качеству доверия больше, но на самом деле все эти изделия изготовлены здесь же, в Оше.

По периметру рынок окружен будочками ювелиров: здесь можно купить или сдать готовое изделие или золотой слиток, проверить пробу, что-то отремонтировать.

Мы пытаемся фотографировать и тут же нарываемся на серьезный конфликт.

— Почему вы тут снимаете? Кто вы такие? Кто разрешил? — голосит одна из «живых витрин». Тетку поддерживают товарки. Поднимается страшный гвалт. Золото — это нелегальный и опасный бизнес, лишняя засветка никому не нужна.

Появляются милиционеры. Они ведут нас к себе в каморку и долго разбираются. Тем временем наш проводник Алмазбек спокойно набирает номер своего друга Курсантбека. Тот — бывший милиционер, и у него большие связи. Курсантбек звонит кому-то из своих приятелей — действующих милицейских начальников. Тот перезванивает Алмазу, Алмаз передает «сотку» милиционеру, который нас задержал. Примерно таким образом здесь решаются все проблемы с законом — через знакомых и не торопясь.

Отпуская нас, человек в погонах резюмирует:

— Мы журналистов российских уважаем, «Первый канал» все смотрим. Так что идите себе поздорову, но фотографировать тут не надо. Вы вроде нормальные ребята, все должны понимать.

Занимательная алхимия

На рынке мы знакомимся с веселым качком. На толстой шее — толстая золотая цепь. На толстой цепи — толстая «шайба». Это круто.

Качка зовут Нурлан. Он одет в толстовку с надписью Boston — так называется пригород Оша, тезка далекого американского города. Наш новый знакомый в золотом бизнесе отличается от черных старателей примерно так же, как руководитель подразделения крупной компании — от рядового сотрудника. Нурлан скупает кум (золотой песок), а также лом и ворованные изделия, аффинирует их (аффинирование — процесс отделения ценного металла от примесей. — «РР»), а потом продает ювелирам или переправляет в Россию.

Вывозить золото в Россию помогает вторая профессия Нурлана: он гоняет в Москву микроавтобус с гастарбайтерами. Ехать туда четверо суток, трудовые резервы ночуют прямо в машине. Билет стоит 8 тысяч сомов — примерно 6 тысяч рублей. Такой способ передвижения — для середнячков. Самые успешные гастарбайтеры летают на самолетах, самые бедные едут в автобусах, в которых их укладывают штабелями.

— Первую ночь спать неудобно, но потом природа берет свое, — смеется Нурлан низким хриплым голосом. Он вообще, похоже, никогда не унывает. Сам в дороге спит пару часов в сутки в придорожных отелях: все-таки как-никак преуспевающий бизнесмен.

После поездки микроавтобус Нурлана заплеван и изгажен.

— Нурик, зачем тебе такая тяжелая работа? И денег, поди, не так много? — спрашиваю я его.

— Я привык, — хитро улыбается Нурлан, а наш проводник неслышно для него добавляет: — Откуда ты вообще знаешь, что он возит?

Мы многозначительно смотрим друг другу в глаза. Что он имеет в виду? Золото? Наркотики? И то и другое? За честный ответ на этот вопрос можно поиметь большие проблемы со здоровьем, поэтому Алмазбек предпочитает не продолжать.

На рынок Нурлан пришел затариться кумом. Мы договорились с ним, что он покажет нам процесс аффинирования, а мы за это купим у него получившееся золото пробы «три девятки» — шесть граммов будут стоить 200 долларов.

Нурлан ныряет за ряды ювелирных киосков. Здесь толпятся какие-то женщины, все как одна с золотыми зубами — это видно очень хорошо, потому что, заметив нашего нового знакомого, они улыбаются: «Нурик, салам, дорогой!» Обняв и расцеловав каждую, Нурлан долго шепчется с одной, которая не похожа на остальных: вместо пестрых одежд на ней строгое черное платье. Женщина что-то помечает в блокноте и исчезает. Через несколько минут она появляется уже с пакетиком золота. Нурлан кивает и тепло прощается.

— Проверять не будешь? — спрашиваю я.

— Нет, тут все на доверии. Один раз обманет — второй не подойду. Да и Рамазан сейчас, грешить нельзя, иначе все грехи того, кого ты обманул, на тебя перейдут. Раз обманул, два, три — грехи копят, копят, а потом человек взрывается.

Мы снова садимся в загаженный «бусик» Нурлана и едем к нему домой. Прямо здесь и расположена подпольная лаборатория по аффинированию золота.

Это на самой окраине Оша, в частном секторе. Высокий забор, а внутри — утопающий в зелени уютный двор и топчан — среднеазиатский обеденный стол. Этот натюрморт дополнен валяющейся у глинобитной стены штангой и потертой боксерской грушей, которую Нурлан походя лупит. Удар профессиональный.

Мне начинает казаться, что я попал в какой-то эпизод из фильма Кустурицы. Жгучая смесь простоты, романтики и авантюризма. Из недр огромного дома появляется старенькая мама Нурлана, она будет помогать сыну аффинировать золото.

— Это я у нее всему научился, — хозяин дома нежно обнимает маму. Она уже приготовила две колбы. Нурлан помещает в них все золото и наливает «царскую водку» — смесь азотной и соляной кислоты. Золотишко тут же начинает шипеть, а кислота — зеленеть.

— Чтобы реакция шла быстрее, нужно тепло, — тоном школьного учителя поясняет алхимик.

Он ставит на стол странное приспособление — горелку с бачком, в который наливает бензин. К емкости приделаны два шланга. Один заканчивается потертыми деревянными мехами, сохранившимися, по всей видимости, еще с эпохи Средневековья. На втором шланге укреплен железный носик. Нурлан качает меха ногой, обутой в грязные сандалии. Воздух гонит из бачка по второму шлангу пары бензина. Щелчок зажигалки — и они вспыхивают тонкой огненной струйкой. Алхимик начинает греть колбу. Процесс действительно идет быстрее — зеленая жидкость бурлит, золото медленно растворяется, но пока оно полностью превратится в густую зеленую жидкость, пройдет не меньше часа.

По великолепному саду распространяется едкий запах кислоты.

— Это очень вредно, — с гордостью заявляет Нурлан. — Аффинажники долго не живут, 10–12 лет, не больше. 20 граммов попадет в организм — и смерть. Сколько народу отравилось — ужас. Я потому и занялся перевозками.

Пока золото медленно превращается в противную зеленую жидкость, есть время потрепаться. Как и положено настоящему алхимику, Нурлан — философ. В компании с русскими он особенно любит порассуждать о межнациональных отношениях.

— Люди все одинаковые. Я вот, к примеру, тебя порежу, — Нурлан берет мою руку и делает выразительное движение, — кровь какая пойдет? Красная, как и у меня. Все национальности политики придумали, чтобы воевать. Вот когда оттуда придут, — Нурлан показывает туда, где по представлениям правоверного мусульманина должен быть только аллах, — мы все объединимся. Но, может, уже поздно будет.

— Кто придет? Американцы?

— Инопланетяне! — удивляется моей дремучести Нурик.

— Инопланетяне? Так они существуют, что ли?

— Конечно! Аллах что — жадный, что ли? Он всех создал, не только людей.

Пауза.

— Слушай, не хочешь килограмм героина в Москву отвезти? — алхимик резко переходит в практическую плоскость. — Билеты окупишь. Я тебе телефон одного человека дам, ему отдашь. Тысячу долларов получишь.

Снова пауза. Я не знаю, как ответить на этот вопрос, чтобы не обидеть моего собеседника. Меня спасает золото в пробирке.

— Кислота силу теряет! — хмурится Нурлан. — Надо добавить.

Наконец металл полностью растворяется. Только на дне лежат какие-то хлопья. Это кумуш — серебро, а

точнее, хлористое серебро. Нурлан сливает жидкость в отдельную колбу, оставляя только кумуш.

— Пригодится, — загадочно комментирует он.

Алхимик переходит ко второму акту. Он достает еще одну бутылочку с прозрачной жидкостью, похожей на водку.

— Это гостайна Киргизии, — нагоняет понтов Нурлан. — Ни в одном учебнике формулы не найдете. Нет, в академиях знают, конечно. Но у нас это еще от предков осталось. Я вот от мамы узнал. А если совсем честно, то это закрепитель — хлористое железо.

Мама тем временем выносит из дома шприц.

— Сейчас будем эту зелень по венам пускать, — шутит Алмазбек: он, как бывший наркодилер и наркоман, любит подобные шутки.

Нурлан набирает в шприц «закрепитель», подносит его к колбе с зеленой кислотой и на секунду останавливается для очередного выступления:

— Золото — металл особенный. У нас говорят так: кто подходит к золоту со злым умыслом, тот будет наказан. Я, например, мог бы сейчас ваше золото украсть, но не буду этого делать. Потому что к золоту надо подходить с хорошими намерениями. У вас какие намерения?

Мы заверяем Нурлана, что с намерениями все в порядке. Он скуповато кивает и брызгает шприцем в колбу. Немедленно что-то начинает шипеть, валит дым — идет реакция, на дно колбы медленно оседают какие-то катышки, похожие на растворимый кофе. Этот осадок называется «аморфное золото».

— «Нескафе Голд» почему думаешь так назвали? — снова прикалывается Нурлан. — О, гляди, обратный процесс начался.

Железа оказалось мало, и золото снова стало растворяться. Чтобы этот процесс остановить, Нурлан берет самый обычный железный чайник, украшенный рисунками из жизни какого-то восточного гарема, и льет в раствор кипяток. Потом интенсивно болтает колбой, глядя на просвет: как там реакция?

Так, чередуя железо и кипяток, Нурлан добивается того, что на дне образуется изрядная порция «нескафе» — хватило бы на пару чашек.

— Все, алтын здесь больше жок, — показывает Нурлан на зеленую жидкость, которая стала еще страшней. — Только медь и прочие примеси.

Он сцеживает жидкость, оставляя в колбе только золото. Снова берет свой «сварочный аппарат» и греет «нескафе». Катышки постепенно желтеют, слипаются, превращаются в желтую пористую бляшку. Нурлан вываливает ее на ложку, отжимает большим пальцем, потом кладет бляшку на старый кирпич и в очередной раз подносит к ней огонь «грелки». Металл постепенно превращается в каплю того самого — золотого — цвета.

— Все, — объявляет Нурлан. Он остужает слиточек в воде. — Три девятки. Можно в Россию везти.

— А на таможне не найдут?

— Металлодетектор только на железо реагирует и на медь. Да если и найдут, всегда договориться можно, — Нурлан подмигивает. У таких людей, как он, не бывает в жизни нерешаемых проблем.

Контроль качества

От переработчиков вроде Нурлана золото попадает к ювелирам. Мы возвращаемся на ошский золотой базар, где в одном из киосков сидит сухощавый интеллигентный мужчина в очках. Это Абдуваким — ювелир и скупщик с 40-летним стажем. Рядом его молодой подмастерье, который все время молчит, слушает, набирается ума и опыта.

К Абдувакиму раз в неделю спускаются с гор посредники, привозят кум. Золотой песок он покупает по 700 сомов за грамм. Обычно кум содержит 80–85% золота. Это высокая проба.

Еще хозяин киоска скупает золото у населения, аффинирует его по той же «секретной технологии», что и

Нурлан, делает украшения и продает. Можно здесь купить и золото в слитках — оно пользуется спросом в основном у других ювелиров и зубных техников, но часто желтый металл покупают и обычные люди: для сбережений или чтобы отправиться к стоматологу со своим золотом, а то они часто мухлюют с пробой.

Еще можно принести Абдувакиму золото на экспертизу. Так многие и делают, прежде чем совершить покупку. Вот в окошке появляется женская голова. Девушка протягивает колечко, которое она собирается купить. Продавщица утверждает, что колечко 585-й пробы, и Абдуваким сейчас это проверит.

Ювелир берет изделие пинцетом, опускает в баночку с тиомочевинной (диамид тиоугольной кислоты). Несколько секунд хватает, чтобы опущенный в раствор краешек кольца заметно позеленел. Это значит, что проба меньше 585-й. Девушка сокрушенно мотает головой, платит 20 сомов за экспертизу и идет возвращать колечко.

— А если проба выше 585-й? Как узнать, дотягивает ли она до трех девяток? — докапываюсь я.

На это у Абдувакима есть еще один дедовский способ. Он достает крупный речной камень, весь исцарапанный чем-то желтым и красным.

— Надо потереть колечко об этот камень. 585-я проба дает красный цвет, 960-я или 999-я — желтый.

На моем лице появляется сомнение, которое эксперт моментально улавливает.

— Дедовские способы самые надежные, — спокойно замечает Абдуваким. В его интонации звучит достоинство человека, который привык не опускаться до обид на самоуверенных европейских профанов.

В окошке появляется еще одна голова — на этот раз какой-то подозрительный тип. Он принес золотую сережку — видимо, в надежде быстро выручить денег на дозу.

Абдуваким вертит изделие в руках и заключает:

— Если это и золото, то очень низкой пробы. Ниже 375-й.

Для таких случаев у него есть еще один дедовский способ. Он берет другой пузырек — с «царской водкой» — и капает из него на сережку. Капелька шипит, становится зеленой, а внутри нее поднимаются крошечные пузырьки. Распространяется слабый неприятный запах.

— Брат, это вообще не золото! — выносит безжалостный диагноз Абдуваким.

Мужчина начинает ругаться по-киргизски, нам понятны только вкрапления русского мата, а также слова «кислота» и «экспертиза». Впрочем, общий смысл ясен: наркоман подозревает, что ювелир его обманывает или что кислота попала некачественная. Абдуваким хладнокровно молчит.

— Могу дать только двести сомов, — ставит он точку в монологе клиента.

Тот шипит не хуже псевдозолотой сережки, забирает купюры с портретами видных деятелей киргизской истории и исчезает.

Я тоже прошу проверить слиточек, который купил у Нурлана. Абдуваким опускает его в тиомочевину — ничего не происходит. Потом старательно трет о речной камень: слиточек оставляет честный желтый след.

— Три девятки или около того, — заключает ювелир.

Я кладу слиток в карман штанов и на следующий день спокойно сажусь в самолет. Нас никто не проверяет. Металлоискатели не реагируют. Героин, впрочем, тоже никто не пытается найти. Может, зря я от того килограмма отказался?

Автор: Дмитрий Виноградов © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 3652 09.04.2009, 17:11 267
URL: <https://babr24.com/?ADE=76775> Bytes: 28710 / 28596 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)